

По правде говоря, побоялась идти к Светлане Крючковой: уж очень чувствовалась решительная женщина. Шутка ли отважиться на Екатерину Великую! Понижаю, что актер сегодня палач, завтра — жертва, но что-то очень близкое, родное ей, лично Светлане Крючковой, чувствовалось в ее царице.

Когда дозвонилась, то настрой на интервью упал до нулевой отметки: в трубке звучал все тот же отстраненно барственный голос. Мол, оставьте все меня в покое! Ну, естественно, с вынужденной, холодной вежливостью.

И вот я у нее дома.

Но сначала расскажу о Ленинграде, как он мне представился в эту злую, полночную минуту. Рассказываю еще и потому, что недобро затаившийся в непогоду город оказался весьма выразительным для нашей беседы фоном. Тем более что, живя последние полтора десятилетия и работая здесь, Светлана, как она мне призналась, так и не узнала толком города (а квартира ее рядом с театром, БДТ, в который ее когда-то пригласили из МХАТа и где она трудится по сию, не самую веселую пору).

Город был злой. Недобрый. Когда москвичи рассказывают, что боятся вечером выходить на улицу, это звучит неприятно. Но когда в Ленинграде идешь по Фонтанке, и «Невы державное течение», и прочее, и прочее, а вокруг — ожесточенная пустота, как будто вымерло все, и редкий прохожий торопливо ускоряет шаг — это почти что жутко.

Почему-то ее квартира в Апраксином переулке, в типичном, как показалось, ленинградском доме, сразу напомнила другую — квартиру Василия Макаровича Шукшина в захудалом московском районе под названием Свиблово. И ничего-то, по-видимости, общего: здесь — старый, а может быть, и старинный ленинградский дом, и — свибловская, хотела сказать «хрущоба», но нет, никогда не брошу камень в человека, выведшего нас из подвалов. Крошечная у Шукшина, по сути, однокомнатная квартира, разгороженная на две, в которой жило четверо. И Шукшин (он в тот момент был один) долго разгребал место — от кастрюль, сновородок и разного детского скарба — место, где бы нам сесть поговорить.

Вот так и здесь. Нет, у Крючковой не однокомнатная, естественно, но такая же вот квартира, в которой одна из комнат забита вещами, а больше всего рисунками сына. Другая же — ее мне показали уже под конец беседы, как видно, решивши ничего не скрывать, — представляла собой склад отдельных деталей разбитой недавно в авткатастрофе машины. Ну, а вся, по сути, жизнь, как это и водится повсюду, протекает в кухне, она же столовая, она же телевизионная, но больше всего походившая опять-таки на склад, где в разных углах лежали — то стиральные порошки, то крупы, то альбомы, буклеты, афиши, фотографии. Я не знаю, почему именно в таком виде я застала эту квартиру, и не спрашивала (быть может, догадывалась только), но честно признаюсь, какие-то первые, внутренние токи пробежали в этот момент между мной и Светланой: не люблю выхоленного, выглаженного, стерильного быта. Видела такого быта в кинематографической жизни предостаточно — и не люблю.

Понятно, что-то из читателей обязательно заметит сейчас для себя — а что это все время пересказываете, как, мол, и как живет некая актриса.

Мучительный и вечный это у нас вопрос — о равенстве, где «все животные равны», но некоторые равнее». Как-то странная ярость вдруг вылилась для меня в голосовании на Верховном Совете по поводу налогов с творческой интеллигенции. Нет, не хотят ни принимать, ни понимать человеческой индивидуальности, незаменимости этого труда. И это — после столь же яростной, а уж я ее понаблюдала в прежние годы, любви и «живым» артистам, писателям, вообще — творцам. Поворот ключа...

Шамфор как-то сказал: можно быть выше меня, можно ниже, но вровень со мной никогда! Эти слова привела мне потом в разговоре Крючкова.

— Вы, — заметила я Светлане Николаевне, — как-то не уподобляетесь другим нынешним деятелям искусства, которые, почував «живые» деньги, начинают, на мой взгляд, терять облик человеческий. Мечутся от одной кооперативной картины к другой, от встречи к встрече — а они теперь баснословно щедры. Читают, дублируют, озвучивают. Мчатся в поездах, самолетах.

— Нет, я просто не могла бы выдержать такого. Не говоря уже о том, что «такого» не принимаю. Слишком много навалилось — авткатастрофа, до этого — трудные роды. Болезни старшего мальчика. Мне правда, говорят — ты актриса, как можно рожать второго, да еще в вашем возрасте, да еще в наше время? Но ведь «наше время» всегда, оно не кончается. Я, наверное, нетипичная актриса. Впрочем, у Мерил Стрип трое детей. Рожая, потому что хочу какого-то осуществления, не нахожу его, вероятно, в творчестве. Не выразилась. Или не выразилась до конца.

— И это говорите вы, сыгравши Екатерину! Разве театр не мог бы для вас поставить спектакль вот сейчас, после успеха «Царской охоты»!

— И еще пятьдесят ролей, больших и малых, я никогда не чуралась эпизодов. У меня их много. Один — у Ильи Александровича Авербаха в «Объяснении в любви». Помните?

— Нет...

— Ну вот видите, А вы говорите — «осуществилась». Я очень люблю этот эпизод, и потому что работала у Авербаха, очень мной уважаемого. И потому что эпизод — на сопротивление материала. Там — деревенская свадьба, а я играю...

— Невесту! Вспомнила. Здоровенная, такая развешая на сладких харчах баба, всю дорогу молчит, а потом встает и дает увесистую оплеуху сублинному колхознику за разбазаривание свадьбы, за самостоятельность!

— Ну что-то в таком роде. Я почему заговорила об этом фильме — я там сыграла деревенскую женщину, а сама никогда в жизни не была в деревне, до дна городская жительница. Но — еще и по другой причине. Вот вы сказали о спектакле, о Екатерине, спектакле на меня. И я вспомнила свой ночной разговор с Ильей Александровичем Авербахом. Нет, не на съёмочной площадке (хотя и там было любопытно — он сна-

чала снял сцену свадьбы на свой манер, с моим сопротивлением, а потом переснял — как я ему предлагала, немислимый случай в режиссуре!). Мы с ним ехали, как водится, из Ленинграда в Москву или наоборот, и проговорили до шести утра, потом ложиться уже не имело смысла. И он сказал — ну как Товстоногов не понимает, что для таких актрис, как вы, надо ставить специально? А я молчу. А в душе у меня вопрос — а вы, Илья Александрович, а вам никогда в голову не приходило снять «для такой актрисы» фильм?

И Светлана вытаскивает из необъятных завалов какой-то буклет, где приведены слова Авербаха о том, что Крючкова такая актриса, которая может сыграть решительно все. И здесь, в уважении к этому режиссеру, рано ушедшему и недооцененному, на мой взгляд, в нашем Отечестве, мы со Светланой Николаевной сошлись. Но я сразу почувствовала какую-то затаенную обиду. Потом поняла — она была связана с «Фантазиями Фарятева», одной из лучших, но с драматической судьбой, картин Авербаха и лучшей, на ее взгляд, работой Крючковой в БДТ (она играла в спектакле Сергея Юрского). И вот так как-то эти роли и эти приключения не сошлись, не сошлись. Такова и есть жизнь искусства, которая — вернемся к началу разговора — обывателю кажется безоблачно-сытой, а она вся — из несвершившихся надежд и ожиданий.

Светлана КРЮЧКОВА:

ДАЙТЕ ШАНС

Мы возвращаемся со Светланой Николаевной к началу ее жизни и судьбы — а оно было в Москве, в Школе-студии МХАТа, среди великих стариков — Яншина, Тарасовой, Грибова, Массальского, ее педагога Василия Петровича Маркова, и других, и других. И я задаю ей большой для меня лично вопрос:

— Скажите, вот как для вас, почему все-таки наступил кризис МХАТа, ну тогда перед приходом Ефремова, старого МХАТа, кумира нашего детства, юности, сколько дней и вечеров, целая жизнь отдана ему!

И Светлана высказала совершенно неожиданную, как мне кажется, точку зрения.

— Вы знаете, мне думается, причина — в среднем поколении МХАТа. Вы понимаете, о ком я говорю. Пришли люди — нет, не скажу, что не талантливые, но какие-то очень гладкие профессионалы, ровные, у которых все на одном уровне наработанного мастерства. Но нет озарений, взрывов, того, что делало МХАТ МХАТом. Конечно, поколение состоит из разных людей, и все-таки есть доминанта, и она оказалась роковой. Ровные профессионалы, но очень энергичные, напористые в борьбе за место под солнцем.

И вдруг — снова о себе:

— Сколько ролей прошло мимо! Я уж не говорю о тех, которые не сыграю никогда по возрасту, по характерности. То есть такие классические, которые, я чувствую, что могла бы сыграть — нет, не лучше, но совсем иначе, чем их играют. Ну, скажем, Варвара в горьковских «Дачниках», самый скучный персонаж. А ведь она совсем не такая — это натура страстная, полная внутреннего темперамента. Недаром Двоеточие о ней говорит — жена-то у Басова царица! Она героиня, не Юлия, которая всегда оказывается в центре действия, та ясна и прозрачна, эта живет наполненной внутренней жизнью. Мать ее была прачкой, и она как-то особенно остро чувствует неполноценность всеобщего существования. Она ждет приезда модного писателя, она единственная, кто здесь читает, но приезжает дешевой пошляк — это ее добивает окончательно.

Я мечтаю сыграть мать в «Стеклянном зверинце» Уильямса. Вот вы говорите — спектакль. А я говорю — хотя бы роль. У нас идет этот спектакль. Но я вижу роль совсем иначе. Почему надо играть американку, ни на минуту не забывая об этом? Ведь Уильямс не писал «американку», он писал мать. Мать несчастливой семьи, несчастливой судьбы, мать, имеющую хромую дочь, которую непременно хочет выдать замуж, и для этого ее одевает, прихорашивает, истово надеется. Не знаю, наверно, я вижу здесь какие-то параллели, хочу сыграть ее совсем иной, не задумываясь о внешнем облике роли. Мы слишком много о нем думаем.

Вот этого лицедейства, или, как вы говорите, представления никогда не понимала. Это что-то нерусское, не наше. Я, например, знаю, что у меня были роли, которые могли бы играть и другие, — тогда это не мое. С огромным удовольствием вспоминаю свою работу с Никитой Сергеевичем Михалковым (мы с ним снимались в «Собаке Баскервилей»), с Юрой Богатыревым, с Фёдей Стуковым, со всеми, но все-таки роль в «Родне» не считаю своей. Эту деревенскую деваху, отлакированную городом. Быть может, ее именно так и надо было играть — как говорится, на одном представлении, но это не мое.

— Вот мы с вами говорили об актерской суете. О встречах со зрителями. А вы что, совсем с ними не встречаетесь?

— Наверно, мало. Но у меня есть свои стихи, свой поэз, вернее, своя поэтесса — Мария Сергеевна Петровых. Раньше ее не печатали, а недавно в Ереване вышла книга. Она дружна была с Мандельштамом, с Ахматовой.

Как-то на улице одна женщина подошла ко мне и сказала — я вас слышала на рождественских вечерах. Значит, это не зря, не в пустоту. И опять я подумала — зло, которое, окружает нас, один человек не может исправить. Но он, один, может изменить отношение к этому злу. Даже пьяную толпу можно заставить слушать себя.

Но вы действительно правы — я и здесь нетипичная,

не люблю тусовок. Я говорила об этом на «Золотом Дюке», где как-то оказалась, наверно, потому, что слышала — раньше там было интересно. А сейчас не понравилось. И я об этом открыто сказала. К явному неудовольствию устроителей фестиваля.

Но вообще я убеждена — человек не должен заикливаться на профессии — быть может, это противоречит тому, что я говорила раньше? И все-таки да, не должен — иначе это сожжение.

Не знаю, как и почему мы вдруг, то есть в общем скорее я, заговорили об отъезде за границу. Об эмиграции. То ли потому что уж очень не приветлив и ожесточен был город за окнами дома. То ли потому, что сушили сухари. То ли из-за всей атмосферы неустойчивости, которая нас окружала. То ли из-за разговора, который завела Светлана, о Владимире Спивакове, о недавнем телеинтервью с ним Урмаса Отта. О последнем она сказала решительно и бесповоротно резко. Так же, как и о разных модных политических фигурах, которые на экране выключенного телевизора, стоявшего перед нами, то один, то другой безмолвно (и потому действительно странно бессмысленно) раскрывали рты и бурно жестикулировали. Я заговорила об отъезде оркестра Спивакова в испанский город Овьедо и о том, как они теперь могут называться «Виртуозы Москвы».

— Почему же, — ответила Светлана, — как назывались, так и остаются. Что касается отъезда, ну что ж, были ведь примеры — уезжали русские актеры, великие мастера слова, не музыканты, чье искусство понятно всем без языковых препятствий. Уезжали и находили себя там, вы же знаете. Хотя, наверно, тосковали безумно. Я? Ну вы сами видите — дети, завтра надо бежать за талонами, за карточками, это ужасно! А еще — работа, искусство, которое должно быть выше.

Не знаю... У нас как-то в театре был капустник. И там — анкета, в ней графа о национальности. И кто-то зачитал обо мне — «очень русская».

— Светлана Николаевна, если вернуться к Екатерине, то, кажется, в газете «Час пик» я прочла интервью с Мариной Влади, которая сейчас снимается у вас, на «Ленфильме», у режиссера Татарского в каком-то костюмном фильме. И как она сама говорит, потому и приехала сниматься сюда, что мечтает впоследствии сыграть здесь, в России, Екатерину II. Признаться, меня это как-то покорило, после вашей-то «Царской охоты»...

— Это все настолько уже привычно стало. Знаете, я и не удивляюсь. Все, что оттуда, давно уже стало лучше, чем отсюда. А кстати, мы с вами так и не поговорили о Екатерине...

— Но мне рассказывал режиссер Виталий Мельников, что думает опять о вас в этой роли.

— Вот видите, от вас узнаю... Я подумала, что у этого интервью, наверно, и не должно быть конца. Как у любого разговора с большим художником. Продолжается работа. И продолжается разговор — уже заочный.

Когда я выходила из этой почти по-булгаковски странной квартиры (внизу, например, установлен домофон, но после того, как я долго-долго нажимала все возможные кнопки, в абсолютно темном дворе открылось окно на лестнице, и мне крикнули: «Не работает, дверь открыта!»), так вот, когда я выходила, дело шло уже к полуночи.

Идя темными, пустыми улицами, думала — какую же силу преодоления надо иметь нынешнему творцу, чтобы в этой тьме хранить в себе и нести другим свет надежды! Да что там «свет», хоть лучик.

Валентина ИВАНОВА.
(Спец. корр. «ЭС»).

ЛЕНИНГРАД.

Фото Н. Гнисиюка.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО

Крючкова С.

10899

111